

Евтухов И.О. Историческая концепция Виктора Витенского / И. О. Евтухов// Лістападаўскія сустрэчы-8 [Электронны рэсурс]: зб. арт. па матэрыялах Міжнар. навук. канф. у гонар акадэмікаў М. М. Нікольскага і У. М. Перцава / навук. рэд. В. А. Фядосік, І. А. Еўтухоў. – Мінск: БДУ, 2011. – Рэжым доступу: <http://www.elib.bsu.by>, абмежаваны. – С. 97-102

И. О. Евтухов

ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ВИКТОРА ВИТЕНСКОГО

Виктор Витенский является автором «Истории гонений в африканских провинциях» (*Historia persecutionis Africanae provinciae*). В самом начале (I, 1) автор заявляет: «Как известно, идет 60-й год с того времени, когда жестокий народ вандальского племени достиг границ несчастной Африки». Таким образом, написание произведения датируется 487/488 г., изложение доведено до декабря 484 г. – смерти Гунериха (V, 21). Сочинение состоит из пяти (трех – в зависимости от издания) книг. Первая описывает правление Гейзериха, вторая – правление Гунериха в 477–483 гг., третья содержит исповедание веры католических участников Карфагенского собора 483 г., четвертая и пятая – гонения на католиков, наступившие после собора. Исходя из весьма восторженной характеристики, данной автором Аврелию Августину («достойный всякой хвалы (*omni laude dignus*)... река красноречия, обильно орошавшая все поля церкви (*eloquentiae, quod ubertim per omnes campos ecclesiae decurrebat*)» [I, 3]), можно предположить о значительном влиянии взглядов этого отца церкви на историка.

Цели произведения выражены в Прологе: «Некогда древние мыслители не уставали прилежно исследовать события счастливые и несчастливые, случившиеся в провинциях, отдельных местностях и регионах (quae forte uel qualia prospere uel secus prouinciis, locis aut regionibus euenissent). Само повествование об этом изошряло их ум, и они предлагали в дар людям, не знающим истории, корзины благоухающих цветов своей учености. Они старались, чтобы случившееся не исчезло из памяти (dabantque operam ut nequaquam lateret in totum, quod in parte forte fuerat gestum). Надутые тщеславной любовью к мирской славе, они стремились повсюду разнести славу своего писания... Sed illi fastu mundialis amoris inflati gloriam elationis suae

longe lateque gestiebant laudabiliter diffamari. At uero uenerabilitas studii tui historiam texere cupiens, inquiris simili quidem feruore, dispari tamen amore; et illi ut laudarentur in saeculo, ipse ut praeclarus appareas in futuro et dicas: in domino laudabitur anima raea: audiant mansueti et laentur (Ps. 33, 3)... Я же постараюсь постепенно и вкратце рассказать, что произошло в разных частях Африки, когда там неистовствовали ариане, и как простой труженик буду усталыми руками выбирать золото тайных пещер и еще не очищенную от примесей породу не замедлю передать для испытания огнем на суд мастера, который сумеет вычеканить из нее золотые солиды (qui monetarios possit solidos picturare)».

Анализ фрагмента

1. Обращает на себя внимание резкое противопоставление **мотивации** римских историков христианским. И те и другие стремятся к славе, но первые – к славе мирской (суетной и приходящей), вторые – к славе в боге. При этом, однако, Виктор Витенский никоим образом не осуждает саму **деятельность историка** (исследование событий, сохранение в памяти случившегося, тиражирование исторической информации).

2. Весьма интересным представляется самопозиционирование Виктора Витенского среди коллег по цеху – сбор предварительного материала и передача его неведомому мастеру для окончательной обработки. Можно предположить, что таким образом автор выразил свое понимание места истории в системе научных дисциплин того времени. Историк дает материал **богослову**, последний с учетом полученной информации формулирует свою концепцию. Однако имя богослова не называется, ибо фигуры равной Аврелию Августину в данный момент в Африке не наблюдается (автор пишет, что со смертью Августина сладость реки красноречия превратилась в горечь полыни (*ipso metu siccatum est flumen*) [I, 3]).

3. В развитие сделанного предположения можно допустить, что сформулированная Павлом Орозием историческая концепция о постепенном снижении роли смерти в историческом процессе по мере укрепления христианской церкви на фоне кровавых гонений вандалов на христиан-ортодоксов выглядела, мягко говоря, не совсем убедительно. То есть Виктор Витенский выступает за пересмотр данной концепции.

Для анализа концептуальных подходов Виктора Витенского достаточно показательной представляется глава 6 из книги II: «Итак, Гунирик, избавившись за короткое время от всех, кого он страшился, укрепив свое положение и, как он рассчитывал, царство, существовавшее недолго и бывшее неппрочным, совершенно успокоенный и свободный от других забот, теперь

со всем своим оружием **ополчился на католическую церковь, словно рычащий от ярости лев** (*rugiens sicut leo* (Ps. 21, 14)). В период же, предшествующий гонениям, были явлены многие **видения и знамения, возве- щающие о предстоящих бедствиях**. *Ante persecutionis tamen tempestatem multis praeuntibus uisionibus et signis inminens demonstratum fuerat malum.* Действительно, они случались весьма часто в предшествующее двухлетие (*ante biennium quam fieret*); так, некто видел церковь Фауста, сияющую в обычном своем убранстве, свечи горели и алтарные покровы рдели в свете факелов, и когда он радовался этому блеску славы, внезапно, как он утверждал, тот, столь желанный свет угас, сияние поглотила тьма и дьявол дохнул зловонием (*tenebris succedentibus aduersarius paribus uatus est fetor*); толпы праведников бросились прочь, изгоняемые вдруг появившимися эфиопами, и свидетель этого знамения непрестанно сокрушался, что ему уже не дано будет вновь увидеть прежнее величие церкви. Об этом видении он рассказал в нашем присутствии святому Евгению. Некий пресвитер видел ту

же церковь Фауста, переполненную бесчисленными толпами людей, как вдруг она немного опустела и сразу вновь наполнилась множеством свиней и коз. Также другой видел поле пшеницы, подготовленной к отсеву, веяльщики же пока не получили распоряжение отделять зерна от мякины. И когда, наконец, было разрешено провеивать огромные массы зерна, тот был поражен его количеством, вдруг разразилась ужасная буря, и внезапный сильный порыв ветра поднял в воздух тучи песка; его сила унесла всю солому, оставив одни только зерна. После этого пришел некий человек, высокий и прекрасный лицом, одетый в пышные, сияющие одежды, и он начал бросать очищенные зерна на землю, отделяя плохие от пригодных для изготовления отменной пшеничной муки. И он долго, с огромным трудом разбирает эти горы пшеницы, однако те, которые он оценил как отличные и сложил в отдельную кучу, составили лишь ничтожную часть. Также и другой рассказывал: «Некто, очень высокий, стоял на вершине горы, которая зовется Зиквенской, и кричал во все стороны: уходите, уходите». Другой услышал громовые раскаты и увидел, как небо покрыли серные тучи, из которых изверглись огромные камни: пока эти камни падали на землю, они сильно раскалялись и горели неистовым пламенем, если же они попадали в дома, то сжигали их. Видевший все это уверял, что когда он сам укрылся в некоем покое, Божьей милостью, огонь не смог достичь его; и я думаю, что это пророческое знамение гласило: «Запри дверь свою и скрой все ничтожество свое, доколь не иссякнет гнев Божий» (*reor ut illud propheticum conpleretur: claudere ostium tuum et absconde te pusillum aliquantulum* (Esai. 26, 20), donec

transeat ira dei). Также и почтенный епископ Павел видел дерево, до небес простершее свои цветущие ветви так,

что тень от них покрыла чуть ли не всю Африку. И когда они любовались всем его величием и красотой, вдруг неожиданно, как он рассказывал, пришел злобный и неистовый человек, уперся затылком в мощный ствол у самых корней и силой своего напора с ужасным треском повалил то чу- десное дерево на землю (uenit unus asinus uiolentus, qui defricans ceruicem suam super robur radicem eius, impulsu suo cum ingenti sonitu illam mirabilem arborem elisit ad terram). Кроме того, и достославный епископ Квинтиан видел себя стоящим на вершине некой горы, с которой он наблюдал за бесчисленными стадами своих овец и в середине стад были два бурлящих горшка. Но пришли убийцы овец и стали бросать их мясо в кипящие горшки; и все это происходило до тех пор, пока огромные стада не были истреблены. Я полагаю, что те два горшка означают два города – Сикку Венерию и Лариб, в которых впервые было собрано множество людей и откуда впервые пришла к нам гибель, или то были царь Гунирик и его епископ Кирила. Рассказывали и о многих других видениях, но не столь значительных, потому недостойных упоминания (Sed de multis uisionibus, quia breuitati consulendum fuit, haec dixisse sufficiat)».

Анализ фрагмента

1. «...Теперь со всем своим оружием **ополчился на католическую церковь, словно рычащий от ярости**

лев – *rugiens sicut leo* (Ps. 21, 14)». Предварительный вывод – по мнению Виктора Витенского, произошла активизация фактора, внешнего относительно **церкви** и враждебного к ней, а значит мы имеем дело с произведением, написанным в формате **церковной** истории.

2. Далее следуют две фразы о многочисленных видениях и знамениях (*uisionibus et signis*), призванных показать будущие бедствия (*demonstratum fuerat malum*), причем подчеркнуто, что видения имели место в течение последних двух лет (*ante biennium quam fieret*). Можно предположить, что два года (обозначаемых при этом особым термином) являются сроком для проверки истинности сделанного предсказания.

3. Краткое содержание ряда видений, выделенных автором из достаточно большого числа. Принцип отбора – пространность, ибо не включенные Виктором Витенским в перечень видения определяются им как *breuitati consulendum fuit*. Данные видения могут быть распределены по двум потокам: а) прокомментированные автором; б) оставленные автором без комментария. При этом можно предположить, что видения второго потока отражают некоторое общее восприятие событий, видения первого потока в большей степени связаны с позицией самого Виктора Витенского.

4. Видения, оставленные без комментариев: захват силами тьмы церкви Фауста, заполнение церкви Фауста множеством свиней и коз, отделение зерен пшеницы для отборной муки. Общее настроение, передаваемое

данными видениями (особенно последним из них), – наступившие гонения означают приближение конца света.

5. Видения, прокомментированные историком: о человеке, стоявшем на Заквенской горе и о стадах овец. Видение о человеке интересно использованием библейского образа из книги Исаи «Запри дверь свою и скрой все ничтожество свое, пока не пройдет гнев Божий» – *reor ut illud propheticum conpleretur: claude ostium tuum et absconde te pusillum aliquantulum, donee transeat ira dei*. Цитата при этом дается не дословно, а в пересказе. Контекст, из которого взята цитата, звучит следующим образом: «Оживут мертвецы Твои, восстанут мертвые тела! Воспряньте и торжествуйте, поверженные в прахе: ибо роса Твоя – роса растений, и земля извергнет мертвецов. Пойди, народ мой, войди в покои твои и запри за собой двери твои, укройся на мгновение, доколе не пройдет гнев (*vade populus meus intra in cubicula tua claude ostia tua super te abscondere modicum ad momentum donec pertranseat indignatio*). Ибо вот, Господь выходит из жилища Своего наказать обитателей земли за их беззаконие, и земля откроет поглощенную ею кровь и уже не скроет убитых своих» (26:19–21) – латинский перевод Иеронима Стридонского (PCC. Ser. prima. P., 1846. T. 28. Col. 800). Таким образом, **контекст**, из которого взята цитата, имеет явно эсхатологическое звучание. **Использование** же цитаты с **авторскими уточнениями** «скрой все ничтожество свое – *absconde te pusillum aliquantulum*» и «пока не пройдет гнев божий – *donee transeat ira dei*» позволяет высказать предположение, что Виктор Витенский видел в трагических событиях, разворачивавшихся на его

глазах, божью кару. То есть признавал **активное вмешательство** внешнего по отношению к человечеству фактора в исторический процесс.

Видение о стадах овец интересно тем, что сам автор сужает рамки событий либо до границ североафриканских городов (Сикка Венерия и Лариб), либо до двух персонажей североафриканской политической сцены (царь Гунерик и епископ Кирилл). И в том, и в другом случае автор ограничивает поле своего внимания **локальной** историей.

Вывод о признании Виктором Витенским активного вмешательства внешнего фактора позволяет поставить следующий вопрос. Если гонения христиан вандалами были выражением божьего гнева, то были ли сами вандалы только бездумными орудиями для исполнения воли бога, или они проводили **собственную** линию (которая на данном этапе совпадала с планами бога относительно североафриканских христиан)? Признание наличия

собственной линии у вандалов приводит к выводу о наличии еще одного фактора, воздействующего на исторический процесс – внутреннего, присущего человечеству (или части его).

Определить, признавал или нет сам Виктор Витенский наличие внутреннего фактора в историческом процессе, помогает следующий фрагмент его произведения, обращенный против тех римлян, кто идеализировал германцев и их нравы: «...у них (вандалов) одно чувство – зависть к римлянам. А что касается их желаний, то им

всегда хочется затмить блеск римского имени, и они желают, чтобы в живых не осталось ни одного римлянина – *illi aliud nesciunt nisi inuidere Romanis. Et quantum ad eorum adtinet uoluntatem, semper cupiunt splendorem et genus Romani nominis nebulare; nec ullum Romanorum omnino desiderant uiuere...*» (III, 62). Таким образом, фрагмент показывает, что внутренний фактор, влияющий на исторический процесс, Виктором Витенским, во-первых, признается, во-вторых, связывается с антиримскими настроениями вандалов (или более широко – германцев).

Подводя итоги, можно сказать, что высказанное выше предположение о стремлении Виктора Витенского к пересмотру исторической концепции Августина – Орозия можно считать вполне обоснованным. В результате начала формироваться новая концепция. Пока определяются ее рамочные черты: 1) признание наличия двух факторов, воздействующих на исторический процесс, внешнего (божественного) и внутреннего (человеческого); 2) ограничение исторических штудий местным материалом.